

Сборник стихов и рассказов

День Независимости облаков



Эсфирь Коблер

**День Независимости облаков.
Сборник стихов и рассказов**

«Издательские решения»

Коблер Э.

День Независимости облаков. Сборник стихов и рассказов /
Э. Коблер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939359-3

В одном из своих романов известный французский писатель Ромен Роллан писал: «Надеюсь, что вы навсегда сохраните молодость. Что касается меня, то я решил расстаться с ней только вместе с жизнью». Перед вами сборник стихов и рассказов, предназначенных для подростков от 12 до 18 лет. Здесь и тонкие лирические стихи, и фэнтези, и воспоминания о детстве и юности, и, конечно, рассказы о первой любви.

ISBN 978-5-44-939359-3

© Коблер Э.
© Издательские решения

Содержание

Горник Елена	6
С. С. Мокульский	6
Коблер Эсфирь	12
Записки старого пса	12
Сказка об Иване-дураке и компьютерных чудесах	15
Корина Татьяна	18
Палец	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

День Независимости облаков

Сборник стихов и рассказов

Редактор Эсфирь Коблер

Фотограф Эсфирь Коблер

© Эсфирь Коблер, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-9359-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горник Елена

С. С. Мокульский Из книги воспоминаний

Но детских лет люблю воспоминанье...

А. С. Пушкин¹

*Все дальше и дальше уходят
леса моего детства
с их тихими мхами
и незабудками...*

Т. Михайловская²

Мой отец считал, что загородный воздух – главное для здоровья ребёнка. Поэтому начиная с 1948 года родители снимали дачу по Северной железной дороге. Ежегодно мы выезжали на шесть месяцев из города, возвращаясь в Москву только с первым снегом. Переезжали капитально, папа заказывал целую машину дров, везли мебель и даже ковёр. Первая дача, которую сняли родители на платформе 43-й километр в 1950 году стояла рядом с небольшим лесочком. В ту весну, мне ещё не исполнилось три года, но я прекрасно запомнила, когда, подъезжая к дому, машина застряла в лесочке, ведь тогда там не было дороги. Помню, как меня несли на руках по лесу, – это первые воспоминания о том счастливом времени. В то время я решительно отказывалась разговаривать, а родители очень переживали:

– Леночка, скажи «папа», «мама»! Скажи, как тебя зовут?

Но всё было бесполезно, говорить я не хотела и упрямо молчала, хотя отлично понимала речь взрослых и ясно помню их просьбы. Но всё вдруг переменялось – именно на даче у хозяйки Прасковьи Семеновны. Её дом был первым на второй просеке (так назывались улицы в посёлке). Напротив, рядом с лесочком, раскинулся лужок, где паслись козы и коровы. Папа подводил меня к козам, я протягивала им травку, они осторожно брали ее, касаясь моей ладошки теплыми губами, и с удовольствием жевали. Я была в полном восторге! Но знакомство с телёнком весьма обогатило мой негативный жизненный опыт: как-то раз я подошла к телёнку и протянула ему кусок хлеба, а он, недолго думая, довольно сильно боднул меня и я, не удержавшись на ногах, села в траву, но при этом ни капельки не испугалась. Это событие произвело на меня неизгладимое впечатление, эмоции меня переполняли и, желая поделиться этой невероятной новостью, я заговорила. Произошло это так. Рядом с домом Прасковьи Семеновны стояла дача знаменитого детского врача Розанова. На следующее утро, обнаружив общую калитку, я каким-то образом очутилась на соседнем участке: доктор сидел в шезлонге и читал газету. Чувства рвались наружу, и я взволнованно начала свой рассказ:

– Папа и Нена (Лена) пошли к мумуке. Одна мумука – бац Нену, пала Нена! Во как! – без конца твердя этот неповторимый текст, я для убедительности выразительно жестикулировала. Потом, подумав, решила прочитать «Сказку о царе Салтане», которую, как и «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», оказывается, знала всю наизусть, ведь эти сказки мне читали родители. Когда я закончила чтение, мой слушатель был покорён.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1975. Т. 1. С. 418.

² Михайловская Т. Г.. Вечерний свет. Стихи. М.: Советский писатель, 1982. С. 14.

В следующем 1951 году мы сняли маленькую комнату на соседней даче. Хозяйку все звали тётя Вера. Её сад меня совершенно околдовал: там цвели душистые яблони, роскошные белые и красные розы, темные ирисы и оранжевые лилии, и среди всего этого великолепия порхали разноцветные бабочки. В окошко нашей комнаты заглядывали цветущая сирень и жасмин, а на их ветках жужжали бронзовые жуки. Напротив крыльца стояли огромные старые липы, а вокруг них постоянно суетились и гудели шмели. Позади дома стоял небольшой сарай – там жили куры. Утром я спешила к курочкам, и, когда я появлялась с хлебом в руках, они слетали с насеста и кружили вокруг меня, а я их кормила. Скоро мои подопечные уже узнавали меня и, переваливаясь на своих лапках, гуляли со мной возле сарая, выпрашивая корм. Меня даже сфотографировали с ними на память.

Дача была светлая двухэтажная. Мы жили на первом этаже, а на втором этаже жили наши соседи, известный театровед и профессор ГИТИСа Стефан Стефанович Мокульский³ со своей женой Надеждой Осиповной, её матерью и огромным котом Васькой. Вскоре я познакомилась этим злодеем, который стал предметом моих постоянных хлопот и огорчений. Дело в том, что я была с детства «птичьей душой», любила не только кур, но и весь пернатый род. А этот несносный разбойник с раннего утра сторожил под яблоней свою добычу. В его лапы часто попадались птички, некоторых он душил, и только некоторым иногда удавалось вырваться и улететь. Когда Васька съедал птичку, моему гневу и горю не было предела. Поэтому я объявила ему настоящую войну. Кот был хитер и коварен. Он лежал с горящими глазами под яблоней и бил в нетерпении хвостом по земле, поджидая свою очередную жертву, а я подкрадывалась потихоньку из-за кустов и набрасывалась на него в самый ответственный момент его охоты. Бесстрашно сражаясь с котом, я изо всех сил пыталась вырвать из его лап замученную птичку, а он царапался своими острыми когтями и шипел. Однажды, вырвав из лап кота несчастного воробья, я хотела задержать бандита, но у меня ничего не получилось, он был слишком толстым и тяжелым, и я не смогла удержать его, да к тому же он меня больно исцарапал. Так продолжалось до осени: кот караулил птиц, а я – кота. Перед отъездом нас сфотографировали, Ваську я еле удержала в руках, удивительно, но он не вырывался, как вы понимаете, ни я, ни он особого удовольствия не испытали!

Этим же летом мои родители, по-настоящему подружился с Мокульскими. Стефан Стефанович в совершенстве владел французским языком. Каждый вечер, прогуливаясь по саду с моим отцом, они разговаривали только по-французски, и видно было, что оба были необычайно увлечены беседой. Вечером я слышала, как папа восторженно рассказывал маме, что давно не получал такого удовольствия от общения на таком превосходнейшем французском, да ещё с таким интеллигентным и образованнейшим человеком, как Стефан Стефанович. Мама постоянно болтала с Надеждой Осиповной, поэтому родителей часто приглашали на второй этаж пить чай. Однажды мне тоже разрешили сопровождать маму и папу. Я вскарабкалась по крутой лестнице наверх и застыла в изумлении. Рядом с окном стояла моя мечта: большая деревянная кровать для куклы, с пышной периной, пуховой подушкой в белоснежной наволочке, отороченной кружевами, и атласным розовым одеялом в кружевном пододеяльнике, а куклы почему-то не было видно. Я окинула взглядом всю комнату, но ничего не увидела:

³ **Мокульский Стефан Стефанович** (1896—1960) – российский и советский театровед, литературовед, театральный критик, переводчик, доктор филологических наук. В 1918 окончил историко-филологический факультет Киевского университета (в то время – Императорского университета св. Владимира). Один из основоположников театроведения в СССР. Основные труды о французском и итальянском искусстве эпохи Возрождения и Просвещения. С 1943 года Мокульский жил в Москве; в 1943—1948 годах был директором ГИТИСа. Был уволен в начале 1949 года с должности – после опубликования в «Правде» статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». В 1952—1957 годах заведовал в ГИТИСе кафедрой зарубежного театра. Написал ряд работ о Ж. Б. Мольере, Ж. Расине, Вольтере, Н. Буало и П. Корнеле, а также об итальянской литературе XIII – XVI веков и итальянской драматургии XVIII века, в частности, о К. Гоцци, и К. Гольдони, мемуары которого он перевёл на русский язык. С. С. Мокульский был инициатором издания на русском языке и редактором сборников пьес Б. Брехта, К. Гоцци, Э. Ростана, Г. Гауптмана, Л. Пиранделло и многих других зарубежных драматургов.

– А где же кукла? – в недоумении спросила я.

– Это кровать не для куклы, а для нашего Васеньки, нашего любимца! – ответила Надежда Осиповна своим хриплым голосом, прикуривая сигарету. Она курила постоянно, я помню её всегда только с сигаретой. От неё всегда пахло табаком, впрочем, так же, как и от её старушки мамы.

– Да-да, это кровать для Васеньки! – раздался с веранды густой бас, и появилась седая, невысокая сухоощавая пожилая женщина с дымящейся папиросой – мама Надежды Осиповны. Женский бас я услышала впервые и помню, что была поражена, это было совсем неожиданно и непривычно. Впечатлений на тот вечер было для меня слишком много. К тому же моему возмущению не было предела:

«Такая роскошная кровать – для этого ужасного кота, который безжалостно душит и ест птичек?!» – думала я.

Но тут подали чай и «соломку», которую все любили в доме Мокульских, надо сказать, что я с тех пор с удовольствием лакоплюсь этими хрустящими палочками.

В тот вечер я впервые увидела близко Стефана Стефановича: довольно высокого, крупного мужчину. А он вообще на меня никакого внимания не обращал, да и по всему было видно, что детей он не любит. Разговаривать с ним я не смела. Иногда наблюдала его издали, когда он прогуливался с тросточкой, в кремовом костюме, беседуя с моим отцом. В тот вечер, как полагаются перед выходом в свет, я нарядилась и надела на руку игрушечные часы с цепочкой, которые недавно подарил мне папа. Эти часы были предметом моей гордости, я постоянно смотрела на них, словно они были настоящие. Мокульский, важный и недоступный, сидел в кресле, попивая чай, и тут неожиданно для всех заговорил со мной. Он попросил меня почитать стихи, которые я знаю, и я начала читать сказки Пушкина, и он, как я помню, остался доволен. Расхрабрившись, я показала ему часы и тут же похвасталась, что это подарок папы – «золотые часы с цепочкой». На следующий день, Надеждой Осиповна со смехом рассказывала:

– Валечка, как только вы ушли, Стефан Стефанович с ужасом обратился ко мне: «Ты представляешь, Надюша, что творится на свете! Что же это такое, четырёхлетнему ребенку купили золотые часы? Где это видано?! Подумай, что это за родители?! Это просто ненормальные родители!» Валюша, Стеф подумал, что ваша дочка носит настоящие золотые часы! Он ей поверил!

Таков уж был Мокульский – ребенок в жизни, доверчивый и наивный.

Там же, на платформе 43-й километр, через восемь лет, в 1959 году, я опять встретила со Стефаном Стефановичем, мне было 12 лет. Мокульские и мы жили на разных дачах. В то время я была буквально одержима поисками и сбором грибов. И, несмотря на жаркое и засушливое лето, мне удивительно везло: никто не находил столько здоровых и крепких грибов, как я. Но не грибы, доставляли мне настоящее удовольствие, а постоянные поиски их. Целый день, опустив голову, бродила я по участку, вдоль просеки или по лесу, высматривая свою добычу. Разумеется, надеясь найти какой-то особенный, необыкновенный гриб.

В тот день мы с мамой встречали папу после работы, и когда он приехал, мы, как всегда, пошли по нашей любимой лесной тропинке домой. Папа заметил, что я всё время смотрю под ноги, и засмеялся:

– Ленуся, здесь нельзя ничего найти, даже маленькой сыроежки, здесь же пешеходная тропа!

Я же наклонившись, раздвинула куст, и – чудо свершилось! Передо мной стоял белый, настоящий белый гриб, о котором я даже и мечтать не могла! Чистый и крепкий, высотой примерно 50—60 сантиметров! Феноменальная удача! Конечно, никто и не подозревал, что этот гриб станет для меня мостиком к сердцу Стефана Стефановича. На следующий день мы с мамой отправились в гости к Мокульским, я шла неохотно, детей там не было, взрослые со мной не разговаривали, мне приходилось сидеть тихо и слушать непонятные разговоры –

это было ужасно скучно. Стефан Стефанович, как обычно, сидел в кресле-качалке на веранде, постоянно погруженный в свои мысли, и ни с кем не разговаривал, иногда что-то записывая в тетрадку, ведь он всегда работал. Поэтому и не уделял никакого внимания окружающим, а уж тем более детям. У Надежды Осиповны был сын от первого брака, и у него рос маленький сын, внук Мокульских. Надежда Осиповна часто жаловалась моей маме, что Стефан Стефанович не хочет общаться с ее сыном и внуком и что дети его раздражают. Накануне моя мама предупредила меня, чтобы я даже и не думала заговаривать со Стефаном Стефановичем и не мешала ему. Принесли самовар, все сели за стол пить чай. Надежда Осиповна спросила меня, чем я занимаюсь, а я тут же выпалила:

– Я нашла огромный белый гриб! На тропинке, где ходят люди!

Никогда не забуду, что произошло: Стефан Стефанович вскочил из-за стола, начал кричать, взволнованно размахивая руками:

– Рассказывай подробно, какой гриб, какая у него высота, ширина, какая ножка, какая шляпка, а вес, а цвет?

Я с воодушевлением описала свою находку. Мама и Надежда Осиповна были ошеломлены реакцией Стефана Стефановича, но еще в большее изумление поверг их наш диалог.

– Идём, сейчас же идём на это место, – закричал Мокульский. – Я должен видеть своими глазами это место! Покажи мне его. Мы с тобой его отметим, и это будет только наше с тобой грибное место. Хорошо?

Разумеется, я в восторге согласилась. Начинались сумерки.

– Стеф, куда ты пойдешь, на ночь глядя, там же темно, вы же ничего не увидите?! – попыталась остановить мужа Надежда Осиповна. Но профессор и слушать ничего не хотел. И мы отправились с ним в лес. Самое интересное, что я моментально нашла это место. Мокульский тщательно осмотрел все вокруг и закрепил несколько разноцветных ниточек на соседней ёлке, рядом с тем местом, где вырос гриб. Способ крепления ниточек был особый, известный только одному Стефану Стефановичу.

– Вот теперь, это место только наше! – сказал он, и я поняла, что он был очень доволен.

Когда мы пришли на дачу, уже стемнело. Мокульский прошел в дом, а Надежда Осиповна объяснила моей маме и мне, что Стефан Стефанович был страстным грибником, и рассказала, что у её мужа есть особая книга, которую он ведет с 1947 года, в ней подробно описываются все грибные места и собранные им урожаи грибов.

– Представляете, Стеф эту книгу никому не показывает, даже мне, и никогда не разрешает с ним собирать грибы. Он уходит далеко в лес, в те места, которые знает только он.

Тут на террасе появился Мокульский. Он сел в свое кресло и объявил:

– Я решил, что мы с Леной пойдем завтра вместе по грибы. Знаешь, – обратился он ко мне, – я тебе покажу замечательные грибные места! Пойдем?

– Да-да, Стефан Стефанович, конечно, я пойду с вами, большое спасибо! – Надежда Осиповна и моя мама просто застыли от удивления, а я напротив, прыгала от восторга: – Мама, можно, можно я пойду?! – закричала я, ведь для меня каждый поход в лес, и особенно за грибами, был праздником.

– Стеф, ты же никогда не брал никого с собой? Как же так? – С явно прозвучавшей обидой в голосе спросила мужа Надежда Осиповна. Но Стефан Стефанович, увлеченный своей идеей, как будто и не слышал жену, обратился к моей маме:

– Валентина Александровна, завтра, часика в четыре утра я зайду за Леной к вам на дачу. Ждите.

Разумеется, я приняла всерьёз обещание Мокульского, а моя мама не на шутку испугалась, потому что не могла и представить, как отпустит дочку с профессором в лес, ведь он такой рассеянный! Надежда Осиповна усмехнулась и начала успокаивать мою маму:

– Валюша, не волнуйтесь, Стеф просто под впечатлением рассказа Леночки о белом грибе, дети ему только мешают, и он не умеет с ними обращаться. Завтра он и не вспомнит о своем обещании.

На том и попрощались. Назавтра ровно в четыре часа утра я проснулась от настойчивого стука в окно, я заглянула за занавеску и завопила во весь голос:

– Стефан Стефанович пришел!

Действительно, в саду под нашим окном стоял Мокульский в своем кремовом костюме, в одной руке у него была корзинка, а другой рукой он тросточкой стучал в окно. Я моментально оделась.

– Стефан Стефанович, – выглянув в окошко, растерянно сказала моя мама, – мы проспали, извините, вам придется подождать.

– Ничего страшного, пусть Лена собирается, а я пока на вашем участке пособираю грибы, – ответил Мокульский, – как вижу, у вас здесь грибное место.

Когда я вышла, в прекрасном настроении Стефан Стефанович положил очередной гриб в свою корзинку.

– Да у вас тут превосходное грибное место, я уже два белых гриба нашел, – сообщил мне радостно профессор.

– Стефан Стефанович, пожалуйста, не заходите очень далеко в лес, я боюсь, что вы увлечетесь и заблудитесь, – попросила моя мама. Стефан Стефанович возмущенно воскликнул:

– Валентина Александровна! Что я, умалишённый, что ли?!!

Мы отправились в путь. По дороге я выслушала с интересом лекцию о грибах, как они растут, где находятся грибные места и какие метки Мокульский оставляет в самых лучших грибных местах. Я внимала ему, буквально открыв рот. Наконец мы вошли в лес, я прошла немного вперед по тропинке и обернулась: Стефана Стефановича не было. Я посмотрела внимательно по сторонам, но профессор исчез, скажу откровенно – в тот момент мне стало как-то неуютно.

– Стефан Стефанович, вы где? – закричала я.

– Лена, я здесь, – слышался приглушенный голос, откуда-то снизу, – иди сюда и лезь ко мне, под ёлку!

Подойдя, к огромной ёлке, ветви которой росли очень близко к земле, я увидела ботинок профессора, торчащий из травы. А сам он, такой большой и грузный, лежал на животе под ёлкой, бережно и осторожно срезая грибы.

– Ура! Я первый нашел белый гриб, а ты что же, давай сюда скорее!

Разумеется, я, по примеру Мокульского, тоже влезла под ёлку и стала срезать грибы.

– Это только мое грибное место, я его уже несколько лет отмечаю, видишь, мои ниточки. Это место под ёлкой никто не знает, только я, смотри, сколько здесь грибов. Я сейчас ниточки закреплю, чтобы на будущий год опять здесь собирать грибы.

Когда мы вылезли из-под елки, Стефан Стефанович стал показывать мне грибные полянки, кустарники и деревья, под которыми мы находили целые семейства грибов, отмеченные белыми и красными ниточками, в зависимости от видов грибов, а также зарубки на деревьях, сделанные только самим профессором.

*Лес мой, где твои тропинки
Между темных-темных елей,
Все усыпанные хвоей,
Рыжей хвоей, золотой?⁴*

⁴ Михайловская Т. Г. Вечерний свет. Стихи. М.: Советский писатель, 1982. С. 17.

Когда наступил полдень, мы присели отдохнуть и перекусить.

– Давай посмотрим, что положили нам на завтрак. Сначала я покажу тебе свой завтрак, а потом ты свой, и мы всё поделим поровну, – сказал серьёзно Мокульский, открывая свой пакет, где были бутерброды. Мы разложили все свои припасы на пенёчке и поделили их. Никогда не забуду, как элегантно и красиво ел Мокульский.

– Стефан Стефанович! У меня еще есть баночка с клубникой, – вспомнила я, – как будем делить?

– Очень просто, будем кушать по одной клубничке, сначала ты ягодку, а потом я, так по очереди и съедем её.

– А у меня нет ложки, как же её есть?

– Очень просто, смотри, вот я беру палочку и перочинным ножиком чуть-чуть её оттачиваю, вот и всё. Тебе палочку и мне палочку, ягодку прокалываем и кушаем! – Таким образом, мы быстро расправились с клубникой. Тут Стефан Стефанович достал из кармана три конфеты.

– Две конфеты мы съедем, но что же будет с третьей? – задумчиво спросил он, – предположим, – рассуждал он, – одну конфету тебе, другую – мне, а третью – он сделал паузу, – мы разделим пополам! – воскликнул он радостно. – Да-да, я как-то об этом не подумал, это же чудесно – разделить конфету пополам!

Он достал перочинный ножик и аккуратно разрезал конфету пополам, которую мы тут же съели. Никогда больше в моей жизни не было такого вкусного и удивительного завтрака, который я запомнила на всю жизнь! На обратном пути, к сожалению, я уже не помню, о чем рассказывал Стефан Стефанович. Он был весел, оживлен, его речь завораживала, а я слушала, затаив дыхание, и наши сердца звучали в одной тональности. Он строил планы на будущее лето, ведь оно, по его приметам, должно было быть грибное.

– Вот увидишь, на следующий год я покажу тебе такие грибные места, которые тебе и не снились!

Лето уже закончилось, погода испортилась, пошли дожди, и меня больше не пускали в лес. Несколько раз мы с Мокульским возвращались на то место, где я нашла свой знаменитый белый гриб, он мечтал и надеялся, что там опять вырастет такой же гриб-красавец. Я эти мечты искренне разделяла, поэтому мы и понимали друг друга. Моя мама и Надежна Осиповна подсмеивались над нами, но мы со Стефаном Стефановичем не обращали на это внимания.

Через год Мокульского не стало. А у меня осталось в душе чувство, что должно было свершиться что-то необыкновенное и замечательное, но не сбылось. Стефан Стефанович остался в моей памяти увлекающимся, искренним и тонко чувствующим человеком. Мне посчастливилось провести с ним только один день и несколько вечеров, и непостижимо, что за такое короткое время он стал мне настоящим другом. К счастью, у меня осталась тетрадь, в которую я записала 7 мая 1980 года всё, что помнила о Стефане Стефановиче.

Коблер Эсфирь

Записки старого пса

Вот и приехали. Хорошо на даче. Я, правда, теперь не бегаю уже как прежде, а тихо сижу у ног хозяйки. Стар стал. Хозяйка вышла на улицу, чтобы поздороваться с давними знакомыми. Ну и я переглядываюсь и пересмеиваюсь с проходящими собаками. Всех знаю. Взрослые мне подмигивают, молодые поддразнивают. Ничего, я им еще покажу, на что старый пёс годен.

А раньше, бывало, только приедешь на дачу, так сразу к калитке и давай лаять всем, что я снова здесь. Побегаем, подеремся, повеселимся. Ну, хорош я был, хорош. Шкурка белая, хвост и уши черные, хвост крючком загибался так и вертелся от нетерпения. Мужики из соседних домов проходят мимо и говорят с уважением: «Хозяин приехал!» Это правда – тут мой дом и мой двор, а я – хозяин. И мне надо охранять трех девочек: старшую Маму, младшую Девочку и Дашку, кошку нашу. Она без меня и шагу не сделает. Ну а когда ночью за Дашкой не услежу, тогда и котята появляются. Правда, бывает это редко. У меня порядок.

А какие запахи на даче! Там, в городе, всё перебивается бензином. Я, конечно, следы почую, своих и чужих собак, кошек и людей различу, но так противно! Везде стоят и воняют эти чудища железные – машины. То ли дело здесь! Сколько запахов, какое разнообразие, переплетение ароматов трав, цветов и всякой живности! А еще достойная работа – охранять дом и двор.

Выйду вечером на крыльцо, жара спала, и полаять хочется. Тут мы с приятелями и начинали долгий разговор.

С одной стороны Дик грозно рычал. Я его уважал. Серьёзный был пёс, охранял свой большой двор и крепкий дом, как настоящий охранник. Никто к ним войти не мог без разрешения хозяина. Он был овчаркой, так порода называется. Правда, старшая хозяйка говорила, что с примесью он, лапы уж очень длинные. Не знаю – настоящая овчарка или нет, а сердце у него было настоящее. Мы с Диком мирно расходились. Нам не нужно было выяснять, кто сильнее или кто умнее. Я приеду, крикну: «Привет! Я тут!» А Дик отзывается: «Привет! Опять на лето приехал?» А потом: «Ну, хорошо. С тобой сторожить приятнее. Ты хоть мал, да не боишься никого!»

Ну, допустим, не совсем я мал. Так, средний. И бояться я никого не собираюсь. Вот и Дик – никого и ничего не боялся. Застрелили его, сволочи. Он с хозяйкой своей один в доме остался, а тут бандиты полезли. Он на них кинулся. Пока одного трепал, второй в него стрелять начал. Прямо в сердце попал. Хозяйка за это время успела полицию вызвать.

Мне моя хозяйка потом сказала, что того, кто Дика застрелил, надолго в тюрьму посадили. А соседи своему Дикю даже дерево посадили и дощечку поставили там, где его закопали. Настоящий был пёс, боец.

С другой стороны хрипел от старости прощельга Атос. Старшая хозяйка рассказывала, что у неё был пёс Портос, когда она была маленькая. С тех пор у нас на даче кто-нибудь да называет свою собаку подобными кличками. А, ладно. Лишь бы кормили вовремя и много. У моих добрых хозяек не всегда получается. Они, правда, дают нам с Дашкой кашу с мясом два раза в день. И ещё хозяйка приговаривает: «Вот, цени, Кимыч. Сами только кабачки с огорода да сливы с дерева едим, а вам с Дашкой тушёнку покупаем». А я что, я ценю. Я их очень люблю. Но иногда надоедает – каша да каша. И маловато бывает. Набегаешься. Прибежишь, а до ужина еще полдня. Только воды похлебаешь и на улицу. Дашка, она приспособилась птичек ловить. Сядет на подоконник и, как птичка, чирикает. Пока та прислушивается, Дашка цап и съела.

Я другой фокус придумал. Выхожу на улицу. Выбираю толстую тётку с большими сумками. Уши распушу, хвостом виляю и иду рядом. Мол, не угостишь ли? Угощают. Кто сосиской, кто колбаской. Хорошо на даче!

Хозяйка как-то в окно увидела мои проделки. Так смеялась. «Фокусник ты, Кимыч», – говорит.

Да. Вот про Атоса. Я, когда маленький был, бегал к Атосу с приятелями-щенками. Атос уже тогда старый был. Всё нам рассказывал про себя, хвастал и поучал нас, несмышленьшей, как жить надо. А мы хвосты и уши распустим и слушаем. А вредный он был! Кости соберет в одном месте, уже грызть не может, а когда мы, голодные щенки, к ним подбирались, рыкнет так, что описаешься от страха. Он какой-то огромный пудель был – чёрный и мохнатый. Люди говорили, что такую породу вывели – сторожевой пудель. Соберет нас, щенков, и давай нотации читать. Мы его боялись. Теперь смешно. Неужели и я такой стал на старости лет? Надеюсь, что нет.

Дальше по улице, возле шоссе, жила девочка, с которой в молодости мы любились, Альма. Холёная такая, гладкая, рыженькая и чуть меньше меня. Я её как-то привел во двор с хозяйками познакомиться. Они меня высмеяли. Женихом обозвали. Больше я Альму не приводил, сам к ней бегал. Всё-таки хозяек я любил больше. Да и нет уже Альмы. В прошлое лето не стало.

Меня прошлым летом собаки молодые здорово потрепали за неё. Чуть горло не перегрызли. Старшая хозяйка еле выходила. Я долго бегать не мог. А когда встал на ноги и перед отъездом в город побежал к Альме, её уже не стало. Как я выл, почуяв её под землей!

Вою я редко. Можно сказать, раза два за всю жизнь. В первый раз, когда привезли меня на дачу совсем щенком. Днём я по двору бегал, все обнюхивал, везде метки ставил. Территорию обозначал. Побольше участок урезать хотел. Щенок! Что возьмешь? Тявкал – это всё моё! А как темно стало, хозяйки вышли на крыльцо. Наверх смотрят. «Посмотри, Кимыч, какие звёзды!» Я смотрю – ничего не вижу. Вдруг выкатывается что-то большое и жёлтое. Так и светит, так и светит! Потом я узнал, что это луна. А тогда сердце забилося, хвост завертелся, и я как завою. Старшая хозяйка даже испугалась: «Прекрати выть на луну, соседей разбудишь!» Больше я не выл, но всегда ждал, когда луна выкатится.

Ночью ещё была у меня забота – охранять кошку Дашку. Она со двора не выходила. Но противные коты сами норовили к нам во двор пробраться. Уж я их гонял! Не люблю котов. Я только Дашку люблю. Когда меня, маленького, больного, описанного, младшая хозяйка в дом принесла, Дашка меня выхаживала: лечила, ушки вылизывала, всего мыла, спала со мной, чтобы тепло мне было. Она мой лучший друг! Но на старости лет ворчлива стала. Всё ей не так. Вот когда у младшей хозяйки мальши появились, она села возле них и, кроме Хозяек, никого к ним не пускала. Мне говорит: «Уйди, ты грязный, с улицы». Только на улице и дают коляску охранять, а в дом не пускают.

Интересно. А когда раньше у самой Дашки котята были, она меня к ним допускала. Я голову на матрац положу, а они меня за усы, за уши, за нос дергают. А Дашка сидит – гордится.

Щенят Альмы я никогда не видел.

Ну, в общем, кроме Дашки и её котят, я кошек не люблю. Дашка тоже с кошками не общается, подружек не ищет. Правда, одно лето приласкалась к нам одна такая серенькая маленькая, Муськой звали. Всё просила Дашку песенки ей петь. Дашка, чистюля, редко по земле гуляла. Она или прохаживалась по забору, или сидела на столбе у забора и от счастья песенки пела. А летом, когда жара спадёт, на ночь на крыше устроится и, слышу, мурлычет себе там что-то. Вот и Муська услышала и давай к нам захаживать, Дашку слушать. Сначала она меня боялась. Всё как-то стороной обегала, но потом мы привыкли друг к другу. Я её вроде как не замечал. А она прошмыгивала мимо меня как мышь.

Она была влюблена в одного кота, Бенью. Это, наверное, единственный кот, которого я уважал. Он был умён необыкновенно. Хорошо понимал язык людей и сам пытался с ними разговаривать. Правда, люди ничего понять не могут в нашей речи, да главное, что мы их понимаем. Бенья был замечательно красив. Пушистый, чёрный с белой грудной и белыми тапочками на лапах, глаза огромные, зелёные. Как сверкнёт ими, так я даже пугался. А он улыбнётся, и говорит: «Ну что, Щен, (я тогда маленьким был) давай человеческим языком займёмся». Это он меня научил языку людей. Однажды старшая хозяйка пришла в гости к хозяевам Бени и меня с собой взяла. Они решили показать, какой Бенья необыкновенный. Сосед, дядя Саша, достает такую длинную трубу – кларнет называется – и начинает играть. А Бенья, подумав только, встаёт на задние лапы и начинает подпевать! Ну, мы, собаки, умеем петь, а вот кошки чтобы пели как люди? Такого я никогда не видел. И вот эта серая Муська влюбилась в Бенью. Конечно, он на неё внимания не обращал. Он потом погиб из-за любви к одной красивой кошке. Возвращался ночью от неё. Шёл посередине дороги. Орал песни от счастья, а машину и не заметил...

Бенья ещё был жив, когда эта Муська родила двух рыжих котят. Бенья – чёрный, Муська – серая, а котята рыжие и пушистые. С ними, её котятами маленькими, такой странный случай произошел.

Сижу я на крыльце. Прислушиваюсь, что вокруг делается. Это людям надо рядом быть, чтобы услышать, мы, звери, всё за километры слышим, а иногда просто чувствуем. Сижу, слушаю, отдыхаю. Вдруг влетает Муська – шерсть дыбом. Кричит: «Скорее! Помоги!» Сорвался я за ней и вижу: посреди дороги яма, в которую вода сливается. Яма закрыта решёткой. А эти два рыжих дурака застряли в решётке и не выберутся никак. Машина поедет и не заметит, как раздавит. А я как их достану? Зубами не получится. Кинулся к хозяйкам. Прыгаю, лаю, к дверям кидаюсь. Это мы язык людей понимаем, а они нас – нет. Наконец старшая хозяйка говорит: «Что-то случилось. Пойду, посмотрю». Я её и привел к решетке. Она котят достала, на тротуар отнесла и меня похвалила: какой я умный и добрый.

Потом я очень пожалел, что спас их. Муська внушила им, что я их второй отец. Они мимо меня когда пробегали, на попки приседали и пищали: «Доброе утро, папенька!» Тьфу! Только рыкну: «Р-р-разорву!» – их и след простыл. К счастью, на следующее лето они всё забыли, и я их гонял, как и остальных котов.

А ещё я люблю запахи и тени старого дома.

Вот люди не чувствуют, что запахи остаются в старых домах навсегда. Запахи тех, кто жил здесь раньше. Не видят тени тех, кто ушёл навсегда, а я вижу. Они улыбаются мне. Я их люблю. Ещё я слышу шорохи и вижу движение – жизнь тех, кого уже не видят люди. Им, людям, доступен только грубый реальный мир, а всё ИНОЕ они не понимают, не знают. Скоро и я уйду из дома. Присоединюсь к теням. Теперь вот, в старости, я думаю: а насколько мы опередили людей в понимании самого важного? Поговорить бы с хозяйкой, она всё объяснила бы человеческим языком. Но не получается. Хотя мы столько лет прожили вместе, что даже в разных местах чувствуем друг друга. Думаю, она у меня научилась.

Люблю хозяек, люблю детёнышей, люблю Дашку. Но пора уходить. Тени ждут.

Сказка об Иване-дураке и компьютерных чудесах

Жили-были старик со старухой. Он – врач-терапевт, она – преподаватель истории. Жили – не тужили. Семью большую тащили и питали, как могли. И было у них три сына. Родители их учили, кормили, поили, в люди выводили. Старший умный был детина. Выучился и пошел делами ворочать, как жернова катать. Крутым бизнесменом стал. Свой офис. Свой заводик. Куча народа его слушается. Машина у него крутая, у жены тоже умная машина, ее самой умнее. Дача в Ницце, дом в Испании.

Средний был не так не сяк. Пошел продавцом в торговый центр работать. Стиральные машины продавал. Тысяч сто в месяц получал. Жену взял с приданым: у нее загородный домик был. Молодые его быстренько в дорогой коттедж превратили. Все живут, поживают, добра наживают.

Вот только младший, Иван, дурак-дураком вырос. Все вокруг крутятся, вертятся, гнезда, то есть домики вьют, а он сидит в квартире родителей и от компьютера не отрывается, все где-то в сети лазает и каким-то хулиганством сидя за столом занимается. Ни заработка, ни невесты, ни своего угла, – ничего не было. Надоело родителям. Взял отец старенькую «Волгу», посадил в нее Ивана, вывез в поле. Дал в руки радиоуправляемую модель самолета, и сказал:

– Вот, Иван, отправляй этот самолетик куда хочешь. Где он сядет – там твоя невеста живет, хоть восьмидесятилетняя старуха. Надоело твое безделье и игромания. Давай сам крутись. Жизнь свою строй, но, чтобы я тебя больше не видел. Пока самостоятельным человеком не станешь – не приходи.

Сказал так, завел машину, и уехал. Делать нечего. Погоревал Иван, но любопытство разобрало. Взял и запустил модель самолетика. Запустил и за ним бежит, а тот, как назло, через все поле, и в лес, в самую чащу летит.

Летит, а Иван за ним бежит. Глядь – поляна открылась, а на той поляне за ветхим забором Избушка на курьих ножках, вся тоже разваливается. Вот на ее-то крыльцо и опустился самолетик. Иван так и обомлел. И выходит на крыльцо Баба-яга, не Баба-яга, а что-то непонятное. Женщина без возраста, без фигуры, в старом рваном халате, на голове колтун какой-то.

Вышла и говорит:

– Знаю, знаю, Иван, отправил тебя отец за невестой и за счастьем. Вот я твое счастье и есть...

Иван чуть не плачет.

– Да на что ты мне, и что я здесь, в глуши, делать буду?

– Не знаю, на что я тебе или ты мне, а вот дел тут полно.

Хвать Ивана под белые ручки, на метлу посадила, сама сзади села, и вперед. Прямо в ЗАГС в каком-то полуразвалившемся деревенском клубе. Там их тут же расписали, и обратно они вернулись законными мужем и женой.

Пригорюнился Иван. Вот и сиди теперь целый век рядом с бабой-распустехой. А баба, может, и распустеха, но только дело свое туго знала. Давай она Ивана гонять с утра до позднего вечера, все дела да дела, ни секунды покоя. То воды принеси, и не откуда-нибудь, а из колодца; то забор почини, то печку истопи, то в магазин за три километра сбегай. Кошмар. Одна у Ивана радость была: и тут, в чаще этой, компьютер стоял, но он так уставал, что только изредка к нему присаживался, и то не в игры играть, а хоть узнать, что на белом свете делается.

А Василиса, так Бабу-ягу звали, кормила его плохо и мало. Утром – две ложки овсянки, днем – картошка, вечером – гречка. Правда, овощей и фруктов с сада-огорода сколько хочешь. Мяса хочешь – курочку прирежь, ощипи ее, выпотроши... С голодухи он и этому научился.

Через полгода надоело ему все до смерти. Решил он хоть что-то изменить в своей горькой доле. Перво-наперво он, чтобы дрова не рубить и хворост из лесу не таскать, из печки

электрокамин сделал, да не простой, а с компьютерным управлением, откуда тепло подавалось в радиаторы и воду до нужной температуры нагревало. Потом скважину во дворе пробурил, тоже не с электромотором, а с компьютерным управлением. Забор новый поставил – в три метра вышины и с видеокамерами везде, где можно, чтобы мышь не прошмыгнула.

Посмотрел он на все эти дела и думает: «Так. Иван-дурак на печи ездил, и все делалось по шучьему велению, по его хотению, а я чем хуже?»

Стал он по интернету шарить, запчасти заказывать, с утра до ночи что-то мастерил и наконец смастерил робота, который все убирал, картошку чистил, капусту рубил, тяжести таскал. Иван только в кастрюлю все забросит, плиту на нужный режим настроит, через полчаса у него и обед готов и пироги спели. А сам он вновь к компьютеру и что-нибудь новенькое придумывает.

А Василиса его садом занялась. Кругом цветочки, аллеи. В общем – красота. Подумал-подумал Иван и решил. Сначала баньку поставит, как в Японии – все на кнопках, все по компьютеру – и пар, и жар, и массаж. Потом домом займется, второй этаж надстроит, себе дизайн-студию устроить. Не сидеть же дома все время и щи варить.

А Василиса опять его удивляет. За компьютер села и ну романы любовные строчить. И что же – хорошо зарабатывать стала. Ещё она стала по салонам и парикмахерским бегать, на фитнес ходить, платья и брючки покупать.

Глянул как-то Иван на нее поприспальнее, а Баба-яга в Василису Прекрасную превратилась. Глаза синие, огромные, так огнем и горят, фигурка стройная, подтянутая, и голос какой-то медовый, ласковый стал.

И вот говорит она Ивану:

– А не хочешь ли ты к отцу-матери съездить?

Иван подумал и отвечает.

– Нет пока. На машину еще не заработал, а на твоей метле летать не буду.

Засмеялась Василиса тихим колокольчиком.

– Ну, как хочешь, – говорит. – А чем зарабатывать будешь?

– Вот видишь, я второй этаж отстроил. Там у меня дизайн-студия будет. Я в этом деле кое-что соображаю. Думаю, дела пойдут.

Надо сказать, что все это время он родителям только коротко по почте электронной писал. Мол, жив, здоров, все в порядке.

Тут, правда, отписал, что делом занялся, что жена красавица, что придет время – приедут.

А родители рады. В каждом письме – когда, мол, когда, вас увидим.

Стал Иван раскручивать свое дело. И пошло-поехало. Заказов – море. Ели справляется. Стал Василису на помощь звать, а она умница. Все понимает и вкус отменный. Так они через полгода раскрутились, что деньги сами на них сыпаться стали. Купили они новенький форд, поставили в гараж и стали думать, когда к родителям ехать. Тут Василиса тихо так говорит:

– Я ребеночка жду.

То-то Иван обрадовался.

Решили: как ребенок родится, окрепнет, так в гости к деду с бабкой поедут, дядей-тетей навестят, подарки всем раздадут, и к себе вернуться, чтобы ребенка в тиши и покое растить.

Долго ли, коротко ли. Но вот родился у них мальчик, просто богатырь. Петькой в честь деда назвали.

Ну, отписал родителям Иван, что едут в гости все вместе, с новорожденным внуком.

Сели в машину и поехали. Целый день ехали, а Иван думает: «Как это я такое расстояние пробежал? Видно, очень невесту хотел найти».

Василиса его мысли прочитала.

– Это я такого жениха завидного хотела к себе привести, а то одной ни дом поднять, ни дела делать, ни о себе заботиться некогда, да и неохота.

Посмеялись они. К крыльцу отцовского дома подъехали, а там уже вся родня собралась: отец с материю, братья с женами и детьми. Смотрят на Ивана и не узнают.

Три года назад ушел из дома растетёха, а теперь приехал видный парень с красавицей женой и сыном-богатырем.

Стали все целоваться-обниматься, за стол садиться. Друг друга поздравлять и счастья желать.

Тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

Корина Татьяна

Палец

Палец звали Указательным. Это был высокий и красивый палец. Но жилось ему несладко. Из всех пальцев он был, пожалуй, самым несчастным. Дело в том, что ему постоянно приходилось думать за своего хозяина. Хорошо, если пальцу сразу удавалось придумать что-нибудь подходящее. Хозяин в таком случае поднимал его вверх и кричал:

– Эврика! Нашёл!

Хорошо ему было и тогда, когда он мог на что-то обратить внимание своего господина.

– Смотрите! – показывал указательным пальцем человек и смеялся.

Но случалось и так, что палец не мог ничего придумать или хотя бы на кого-то показать. Вот тогда ему и приходилось туго – хозяин начинал сердиться. В наказание он совал палец в рот и принимался сосать. Несчастный попадал в мокрый тёмный рот. Со всех сторон его окружали огромные, острые зубы. Они начинали покусывать палец. А несколько раз зубы даже очень больно укусили его. О, это было ужасно! Указательный униженно просил у хозяина прощения и клялся ему в своей преданности. Но хозяин крепко держал его в зубах и не собирался выпускать его на свободу.

– Пусть посидит и подумает, – сердито говорил он.

В муках бедняга старался хоть что-нибудь придумать. Но разве можно придумать что-нибудь путное, если тебя держат в темноте и кусают? Но Указательный думал. Ведь ему так хотелось оказаться среди родных и близких.

Хозяин знал, что делал. У пальца, наконец, появлялась идея. И только высосав всё из пальца, хозяин выпускал его, замученного, всего покрытого морщинами, из тёмного рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.